

В. А. Жуковский

Два письма Николаю I

В. А. Жуковский -- критик / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Прозорова.-- М.: Сов. Россия, 1985.-- (Б-ка русской критики).

[OCR Бычков М. Н.](#)

30 марта 1830 г. <Петербург>.

Вчера я имел разговор с государынею императрицею на счет того, что было мне сказано Карлом Карловичем¹ от имени вашего императорского величества; но то, что я имел несчастье услышать от самой государыни, так неожиданно и болезненно сразило меня, так обременило мне душу, что я по тех пор не буду свободно дышать, пока не объяснюсь с вашим величеством. <...>

Но я не знаю, скоро ли буду иметь счастье вас увидеть. Ждать же не могу: состояние мое слишком для меня несносно. Я должен объясниться письменно. Меня обвиняют перед вашим величеством в том, что я впутываюсь в дела литераторов. Против такого обвинения не могу принести никакого оправдания, ибо не знаю, на чем оно основано. Прожив сорок лет без пятна и из этих сорока лет посвятив двенадцать исключительно семейству вашего величества, в котором мой нравственный характер мог сделаться коротко известен, я имел право надеяться, что никакой донос не может быть мне вреден, что я по крайней мере стою того, чтобы помедлили делать на счет мой дурные заключения. И теперь, в мои лета, я должен себя оправдывать против обвинения мне неизвестного. В защиту свою могу представить только всю прошедшую жизнь мою.

До 1817 года, с которого начал я находиться при особе государыни императрицы², я жил уединенно в кругу семейства и писал. То, что я писал, смею сказать, говорит ясно о моем характере нравственном. Этот характер не был унижен никаким недостойным поступком; ссылаюсь на всех, кто знает меня лично, и на публику, которая с этой стороны отдала мне справедливость. Во все это время моего авторства я ни с кем не имел литературных ссор и написал только две критики, когда сам издавал журнал³, и эти критики были не бранные, а просто забавные; не отвечал ни на одну писанную против меня критику, не заводил партий, ибо писал не для ничтожного, купленного интригами успеха, а просто по влечению сердца, которое искренно выражалось в моих сочинениях; не искал похвалы, ибо презираю всякую выисканную происками похвалу. Лучшие люди были моими друзьями и остались моими друзьями; заслужить их одобрение было моею наградою, и я приобрел его. Как писатель я был учеником Карамзина; те, кои начали писать после меня, называли себя моими учениками, и между ними Пушкин, по таланту и искусству, превзошел своего учителя. Смотря на страницы, мною написанные, скажу смело, что мною были пущены в ход и высокие мысли, и чистые чувства, и любовь к вере, и любовь к отечеству. С этой стороны имею право на одобрение моих современников. Стихи мои останутся верным памятником и моей жизни, и, смею прибавить, славнейших дней Александрова времени. Я жил как писал: оставался чист и мыслями, и делами.

С 1817-го года начинается другая половина жизни моей, совершенно отличная от первой. Я был приближен к особе государыни императрицы. Смею сказать, что я приобрел доверенность ее величества: это мой лучший аттестат. Во это время я продолжал еще писать. Но с той минуты, в которую возложена была на меня учебная часть воспитания великого князя⁴, авторство мое кончилось, и я сошел со сцены. Я перешел на другую, возвышенную, и, положив руку на сердце, могу сказать, что понимаю святость моего назначения. Все мои мысли свелись на один предмет: я не способен соединить с ним ничего недостойного! Теперь ли пойду марать себя в общество презренных людей, которых я чуждался и тогда, когда занимался одним авторством? <...> Теперь живу не для себя. Я простился с светом; он весь в учебной комнате великого князя, где я исполняю свое дело, и в моем кабинете, где я к нему готовлюсь; в обществе никто меня не видит. Кто посмотрит на мои работы, тот согласится, что я не могу иметь и времени заниматься ничем посторонним. Каждый из учителей великого князя имеет определенную часть свою; я же не только смотрю за ходом учения, но и сам работаю по всем главным частям. В два экзамена, в которые ваше величество присутствовали, можно было видеть, что сделано в два года. Но кто видел то, чего это стоило *мне*? С детской азбуки до огромных карт, таблиц исторических, таблиц естественной истории, христианского учения, а отчасти математических, -- все выдуманно, сочинено и написано мною;